

MILHIST

INFO

УДК 94 (571) «1634»
ББК 63.3

Барахович П.Н. Поход Андрея Просовецкого в Киргизскую Землю 1634 г.

Аннотация: В настоящей работе рассмотрены предпосылки, причины, цели похода ссыльного атамана А.З. Просовецкого 1634 г. во главе томских служилых людей, чатов и томских юртовских татар против енисейских киргизов; установлен состав его отряда; изучена последовательность событий похода; показаны его непосредственные результаты и последствия.

Обращение к истории похода обусловлено тем, что он является одним из крупнейших военных столкновений русских служилых людей и енисейских киргизов в первой половине XVII в., в то же время событие изучено недостаточно.

Ключевые слова: XVII в., Томск, служилые люди, казаки, татары, киргизы.

Автор: Барахович Павел Николаевич. Кандидат исторических наук. Место работы и должность: ООО НПО «Археологическое проектирование и изыскания» (ООО «НПО «АПИ»), начальник отдела. spqr509@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Александров В.А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964.

Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII в. — Фрунзе, 1970.

Соколовский И.Р. Челобитная сибирского служилого человека Астафия Михалевского (1636 год) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. — 2013. — Т. 12. — Вып. 1.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М., 1960.

Чертыков В.К. Хакасия в XVII - начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. — Абакан, 2007.

Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. — СПб., 1902.

Каменецкий И.П. Русское население *Кузнецкого* уезда в XVII - начале XVIII в.: проблемы жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири. — Омск, 2005.

Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева. — 1950. — Т. 112.

Скрынникова Т.Д. Политическая организация Халхи XVI-XVII вв. // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2004. — Кн. 3.

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учебное пособие. — Новосибирск, 2010.

Добжанский В.Н. Киргизский поход 1634 года под руководством А.З. Просовецкого // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». — 2020. — Вып. 11.

Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII. Движение Лжедмитрия II. — М., 2008.

Дневник Маскевича 1594-162 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. — СПб. 1859. — Т. 1.

Бахрушин С.В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 2.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2021/03/20/barakhovich_4

Ссылка для печатных изданий:

Барахович П.Н. Поход Андрея Просовецкого в Киргизскую Землю 1634 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2021. — XI. — С. 278-316. <http://www.milhist.info/2021/03/20/barakhovich_4> (20.03.2021).

Barakhovich P.N. The campaign of Andrey Prosovetsky to the Kyrgyz Land in 1634

Summary: This work examines the prerequisites, reasons, goals of the campaign of the exiled ataman A.Z. Prosovetsky in 1634 at the head of the Tomsk service people, Chats and Tomsk Yurt Tatars against the Yenisei Kyrgyz. The author established the composition of his squad; studied the sequence of events of the campaign; showed its immediate results and consequences. The appeal to the history of the campaign is due to the fact that it is one of the largest military clashes between Russian servicemen and the Yenisei Kyrgyz in the first half of the 17th century. At the same time, the event has not been sufficiently studied.

Key words: seventeenth century, Tomsk, service people, Cossacks, Tatars, Kyrgyz.

Author: Barakhovich Pavel Nikolaevich. Candidate of Historical Sciences. Place of work and position: LLC NPO "Archaeological design and survey" (LLC "NPO" API "), head of the department. spqr509@yandex.ru

References:

Aleksandrov V.A. Russkoe naselenie Sibiri XVII - nachala XVIII v. (Enisejskij kraj) [Russian population of Siberia of the XVII-beginning of the XVIII century (Yenisei Region)]. — M., 1964.

Abdykalykov A. Enisejskie kirgizy v XVII v. [The Yenisei Kirghiz in the XVII century] — Frunze, 1970.

Sokolovskij I.R. Chelobitnaja sibirskogo sluzhilogo cheloveka Astafija Mihalevskogo (1636 god) [Chelobitnaya sibirskogo sluzhilogo cheloveka Astafiya Mikhalevsky (1636)] // Vestnik NGU. Serija: istorija, filologija. — 2013. — T. 12. — Vyp. 1.

Dolgih B.O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke [Generic and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century]. — M., 1960.

Chertykov V.K. Hakasija v XVII - nachale XVIII veka i ee vzaimootnoshenija s Rossiej i gosudarstvami Central'noj Azii [Khakassia in the XVII-beginning of the XVIII century and its Relations with Russia and the states of Central Asia]. — Abakan, 2007.

Barsukov A.P. Spiski gorodovyh voevod i drugih lic voevodskogo upravlenija Moskovskogo gosudarstva XVII stoletija [Lists of city voivodes and other persons of the Voivodship Administration of the Moscow State of the XVII century]. — SPb., 1902.

Kameneckij I.P. Russkoe naselenie Kuzneckogo uezda v XVII - nachale XVIII v.: problemy zhiznedejatel'nosti v uslovijah frontira Juzhnoj Sibiri [Russian population of the Kuznetsk uyezd in

the XVII-early XVIII centuries: problems of life activity in the conditions of the frontier of Southern Siberia]. — Omsk, 2005.

Bojarshinova Z.Ja. Naselenie Tomskogo uezda v pervoj polovine XVII veka [Population of Tomsk uyezd in the first half of the XVII century] // Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V.V. Kujbysheva. — 1950. — T. 112.

Skrynnikova T.D. Politicheskaja organizacija Halhi XVI-XVII vv. [Politicheskaya organizatsiya Khalkhi XVI-XVII vv.] // Mongol'skaja imperija i kochevoj mir. — Ulan-Udje, 2004. — Kn. 3.

Bobrov L.A., Borisenko A.Ju., Hudjakov Ju.S. Vzaimodejstvie tjurkskih i mongol'skih narodov s ruskimi v Sibiri v voennom dele v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremja: uchebnoe posobie [Interaction of the Turkic and Mongolian peoples with the Russians in Siberia in military affairs in the Late Middle Ages and Modern Times: a textbook]. — Novosibirsk, 2010.

Dobzhanskij V.N. Kirgizskij pohod 1634 goda pod rukovodstvom A.Z. Prosoveckogo [Kirghiz campaign of 1634 under the leadership of A. Z. Prosovetsky] // Uchenye zapiski muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica». — 2020. — Vyp. 11.

Tjumencev I.O. Smutnoe vremja v Rossii nachala XVII. Dvizhenie Lzhedmitrija II. [The Time of Troubles in Russia at the beginning of the XVII century. The movement of False Dmitry II] — M., 2008.

Dnevnik Maskevicha 1594-162 // Skazanija sovremennikov o Dmitrii Samozvance [The diary of Maskevich 1594-162]. — SPb. 1859. — T. 1.

Bahrushin S.V. Nauchnye Trudy [Scientific works]. — M., 1955. — T. 3. — Ch. 2.

Internet link:

http://www.milhist.info/2021/03/20/barakhovich_4

Reference link:

Barakhovich P.N. The campaign of Andrey Prosovetsky to the Kyrgyz Land in 1634 [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2021. — V. XI. — P. 278-316. <http://www.milhist.info/2021/03/20/barakhovich_4> (20.03.2021).

БАРАХОВИЧ П.Н.**ПОХОД АНДРЕЯ ПРОСОВЕЦКОГО
В КИРГИЗСКУЮ ЗЕМЛЮ 1634 г.**

Поход в Киргизскую землю томских служилых людей во главе со ссылкой атаманом А.З. Просовецким периодически попадал в поле зрения исследователей. Уже Г.Ф. Миллер, основываясь на челобитной казака Афанасия Немчина, уделил событию несколько строк в своей «Истории Сибири». Миллер отнесся к уникальному на тот момент известию с недоверием, посчитав, что в источнике «имеется ошибка относительно времени похода и имени его начальника»¹. Обстоятельства похода были установлены только в XX в., когда С.В. Бахрушин обнаружил и ввел в научный оборот челобитную его участника томского сына боярского Астафия Михалевского. Изучив источник, С.В. Бахрушин датировал событие 1635 г. и оценил его как «поражение, в лучшем случае удачно проведенное отступление»². Томская исследовательница З.Я. Бояршинова вскользь упоминала поход в качестве примера участия чатов и томских юртовских татар в боевых действиях на стороне русских³. В дальнейшем В.А. Александров, основываясь, по его выражению, на данных «воеводской переписки», скорректировал датировку похода, отнес его к февралю 1634 г. Особым аргументом для такого заключения у него послужило то обстоятельство, что сразу после похода Просовецкий получил помилование и в 1634 г. успел вернуться из Сибири в Москву⁴. Исследователь из Киргизской ССР А. Абдыкалыков в своей работе о енисейских киргизах указал конкретную дату начала похода — 10 февраля 1634 г. (при этом предводитель русского отряда у него назван «Просовецким»)⁵. В.К. Чертыков привел интересные данные о неосуществленном замысле томского воеводы стольника кн. Н.И. Егупова-Черкасского усилить отряд Просовецкого красноярскими служилыми людьми⁶. Остальные исследователи (Д.Я. Резун, И.Р. Соколовский, Ю.С. Худяков, Л.А. Бобров, А.Ю. Борисенко, Н.И. и Д.Н. Никитины), затрагивая поход томских служилых людей и «иноземцев» против киргизов 1634 г.,

пользовались работами предшественников (в первую очередь — С.В. Бахрушина). Причем Ю.С. Худяков и Л.А. Бобров делали это небрежно, датируя поход 1635 г. со ссылкой на книгу В.А. Александрова⁷.

Несмотря на внимание ученых, поход Просовецкого 1634 г. до сих пор недостаточно изучен. Чаще всего его упоминание в научных работах являлось деталью общего рассказа о русско-киргизских отношениях либо было иллюстрацией концептуальных положений. Между тем, событие имело самостоятельное значение, поскольку ознаменовало собой предельное обострение русско-киргизского конфликта в первой половине XVII столетия и его переход в решающую фазу. Также поход интересен в плане изучения военной истории Сибири XVII в., поэтому в настоящей работе мы попробуем рассмотреть предпосылки, причины, цели похода, установить состав отряда Просовецкого, последовательность событий, рассказать о результатах этой экспедиции.

Решить поставленные задачи можно благодаря неплохо сохранившимся документальным источникам. Говоря о них, прежде всего, следует обратить внимание на челобитную А. Михалевского 1636 г., в которой челобитчик живописал свои подвиги в надежде перевестись из Сибири в Москву. Фрагмент челобитной публиковался в сборнике документов «Русско-монгольские отношения, 1636–1654» 1974 г. издания. В полном объеме челобитная была опубликована И.Р. Соколовским в 2013 г.⁸ Несмотря на чрезвычайную «популярность» среди исследователей этого документа, никем не делалось попыток взглянуть на него критически, сопоставить его с данными других источников, что привело к определенному рода героизации Михалевского в историографии (например, Д.Я. Резун характеризовал его так: «опытный тактик и стратег воинской науки, не боявшийся возражать начальству»)⁹.

Другой опубликованный документ — это упомянутая челобитная казака А. Немчина (напечатана в приложении ко второму тому «Истории Сибири»

Г.Ф. Миллера). В ней содержится только упоминание о походе, в котором челобитчик получил ранение¹⁰.

Среди неопубликованных источников первостепенное значение имеет послужной список отряда Просовецкого, который предваряет пространная отписка, являющаяся отчетом томских воевод Никиты Егупова-Черкасского, Федора Шишкина и дьяка Андрея Строева о предпосылках похода и его событиях. Эти документы были посланы в Москву 24 июля 1634 г. с томским сыном боярским Леонтием Полетаевым, казачьим пятидесятником Агейкой Чижовым, казаками Федькой Засухиным «с товарищи» и были поданы в Москве в декабре того же года. Послужной список содержит поименный перечень выживших участников похода, которые «бились явственно» и «государю служили», с указанием, кто из них был ранен, потерял в бою лошадь, убил или ранил врага, взял пленного, убил под противником боевого коня¹¹. Послужные списки составлялись для награждения участников боев и подтверждения заслуг при подаче служилыми людьми челобитных с любыми просьбами (чаще всего они касались выдачи невыплаченного жалованья, повышения окладов, а также верстания в вышестоящий чин).

Очень важным является дело о награждении участников похода, рассмотренное в Москве сразу после подачи послужного списка, в декабре 1634 г. (на него обращал внимание еще Н.Н. Оглоблин)¹². Дело имеет характерную структуру для такого рода документальных комплексов. Оно начинается челобитными русских служилых людей и «иноземцев» (чатских мурз и томских юртовских татар) о пожаловании наградой за службу. Затем следуют немного сокращенное изложение вышеупомянутого отчета томских воевод о походе Просовецкого и выписка из послужного списка, в которой дано количество представленных к награждению людей с перечнем их заслуг. Самый интересный документ в составе дела — это «сказка» опрошенного в Москве А. Чижова о ходе военной экспедиции и судьбе пленных киргизов («ясыря»). Результаты рассмотрения дела можно узнать из «отпуска» (черновика)

государевой грамоты томским воеводам. К сожалению, многие листы дела были повреждены (вероятно, водой), что затрудняло его изучение.

Об обстоятельствах похода говорится в деле по особой челобитной А. Чиждова, который сумел добиться повышения жалованья за участие в походе 1634 г. Новых данных по сравнению с делом о коллективном награждении в ней не содержится. Также экспедиция Просовецкого упомянута в более поздней челобитной (1652 г.) томского сына боярского Павла Рыхлевского о верстании в службу его детей. В ней имеется довольно подробная «автобиография» челобитчика, который был одним из командиров русско-татарских отрядов во время похода¹³.

Особое значение имеет отписка красноярского воеводы Н.И. Карамышева о неосуществленном замысле томских воевод привлечь к участию в экспедиции красноярских служилых людей¹⁴.

В начале XVII в. основная территория киргизских кочевий находилась в районе слияния Белого и Черного Июсов (здесь располагался Алтысарский улус или «большие киргизы») и вдоль притока Абакана р. Уйбат (Алтырский улус). В районе устья р. Тубы (правого притока Енисея) находился союзный киргизам Тубинский улус. Сопредельные территории были населены зависимыми от киргизов и тубинцев народностями (их называли обобщающим словом «киштымы»). Северная часть подконтрольной киргизам и тубинцам территории, ставшая ареной противоборства с русскими, простиралась с запада на восток от притока Чулыма р. Яя до среднего течения правого притока Енисея р. Кан. Киргизские и тубинские князцы подчинялись западномонгольскому тайджи (тайше, князю), известному русским под титулом «алтын-хан». Киргизы обязаны были выплачивать ему дань пушниной и посылать свои отряды для совместного участия в войнах.

В первой четверти XVII столетия киргизское влияние на юге Сибири было поставлено под угрозу Русским государством. Конфликт за право взимания ясака с племенных групп, проживавших вдоль среднего течения

Чулыма, возник сразу после строительства в 1604 г. Томского города. В 1605 г. киргизский князец Номча безуспешно пытался организовать поход против Томска и Кетска, а с 1609 г. начались систематические боевые столкновения¹⁵. В 1618 г. строится Кузнецкий острог, в результате чего в ясачный платеж со временем попадают отдельные группы киргизских киштыморов — бельтиров и сагайцев¹⁶. В 1621 г. распространение русского влияния на земли вдоль среднего течения Чулыма ознаменовалось возведением Мелесского острога и разгромом улуса киргизского князца Кары. Еще большим ударом для кочевников стало появление в августе 1628 г. Красноярского острога, вследствие чего киргизы лишились довольно населенной (по сибирским меркам) Качинской «землицы». К тому же красноярские казаки могли, пользуясь водным путем по Енисею, с наименьшими препятствиями совершать рейды вглубь киргизских владений. (Красноярск и Кузнецк входили в состав Томского разряда, и поэтому их воеводы подчинялись воеводам Томска.) Наряду с постепенным подчинением окраин Киргизской земли, русские пытались склонить к покорности самих киргизов, направляя к ним «посольства» (например, в 1626 и 1627 гг.) либо пытаясь договориться с алтын-ханами¹⁷.

В начале 1630-х гг. конфликт с киргизами достиг особого ожесточения. Летом 1630 г. кочевники (360 чел.), совершив набег под Красноярский острог, потравили посевы русских и угнали в плен 65 ясачных качинцев «с женами и с детьми, и со всем их кочевьем». В 140 (1631/2) г. киргизы вместе с тубинцами приходили в Красноярский уезд по Енисею и убили 30 ясачных людей¹⁸.

В дальнейшем киргизы перенаправили свои удары на ясачные волости Томского уезда, а также на Кузнецкий уезд. В 141 (1632/3) г. приказчик Мелесского острога сын боярский Павел Рыхлевский известил томских воевод Ивана Татеева «с товарищи» о том, что к киргизам «отъехал» ясачный человек Кизылской волости Кам со всем семейством и имуществом, что повлекло прекращение уплаты с этой волости ясака. В то же время «до Мелесского

острогу за днище» (один дневной переход) объявился старший киргизский князец Ишей со своими людьми, которые «чюлымских ясашных людей поимали к себе в киргизы».

22 сентября 1633 г. кузнецкий воевода Федор Хоненев сообщил о том, что за два дня до его приезда на воеводство, 14 сентября, при воеводе Федоре Нащокине под Кузнецкий острог совершили набег киргизы во главе с князем Бектенем Наяновым сыном, которые убили четырех крестьян и двух «гулящих людей», пожгли посевы и отогнали скот.

1 октября 1633 г. чатский мурза Бурлак Аккулин поведал в томской съезжей избе о своей разведывательной поездке в Аргунскую волость, где ясачные люди Кишкилдей Тотонаев «с товарищи» сообщили мурзе, что за пять дней до его приезда их «повоевали» киргизы, во главе которых стояли князец Кочебай с сыном Табуном и брат князца Ишея Кончебай. Забрав жен, детей и имущество ясачных, киргизы направились в Ячинскую волость.

3 октября 1633 г. из Аргунской и Кизылдеевой волостей в Томск приехали князец Алтыбай Бехтулин с ясачным татаринном Кабаем Ауспехевым и рассказали о своих бедствиях, что сначала на их кочевья приходил князец Табун Кочебаев во главе отряда из 70 или 80 чел., а потом нагрянул сам Ишей Номчин. Также ясачные сообщили, что киргизы простояли в Ячинской волости два дня, после чего направились в Чибинскую волость.

Появление киргизов в Томском уезде не обошлось без потерь со стороны русских людей, чатов и юртовских татар. 26 сентября 1633 г. томские воеводы отправили в Аргунскую и Ячинскую волости «проведывать» о киргизских набегах казаков Ваську Шубина и Федьку Толмачева, чатского мурзу Каргу Кизланова и четырех татар. Вся эта группа была перебита людьми Табуна и Ишея. 17 ноября 1633 г. красноярский воевода Никита Карамышев сообщил в Томск, что киргизы побили в Кизылской волости красноярского пятидесятника Ивашку Чечулина, десятника Федьку Астраханца, которые везли с собой воеводские отписки в Томск, а также шедших с ними в «вожах» ясачных татар

Бурнашку и Екбалачку. Также Карамышев писал, что киргизы собирались сделать набег на Красноярский уезд, а «князцы Ишей и Табун пошли по Чюлыму забирать ясашных людей... всех к себе».

Чашу терпения томских служилых людей переполнили события в мелесской Туталовой волости. 23 января 1634 г. приказчик Мелесского острога письменный голова Федор Зиновьев сообщил в Томск, что к нему пришли с ясаком князец Туталовой волости Курдомечка с ясаулом Езагулу и рассказали, что ранее велели «им быть к себе киргиские люди, а из киргиз де они отпросились к себе на четыре месяца и чают де они, что киргизы по ним на лыжах будут». Также «иноземцы» поведали о намерении киргизов вместе с «мугалскими людьми» летом совершить набег под Томский город. Доставленные в Томск Курдомечка и Езагулу подтвердили всё сказанное в Мелесском остроге¹⁹. После этого, согласно отписке томских воевод в Москву, «всяких чинов люди» подали им челобитную с просьбой, чтобы «государь бы их пожаловал, велел... на киргизских людей послать войною»²⁰. В результате было принято решение нанести киргизам серьезный упреждающий удар силами Томского разряда. Не исключено, что томские воеводы были в числе инициаторов похода, поскольку выданный им государев наказ об управлении Томским разрядом прямо предписывал посылать служилых людей против кочевников, если те примутся убивать и грабить ясачных людей²¹.

Перед отрядом томских служилых людей и татар, главой которого назначался ссыльный атаман А.З. Просовецкий, были поставлены непростые цели и задачи. Они были должны «пришед в киргизы, где киргиские князцы Ишей да Кочербай, да Табун, да Бектень с товарищи и улусные люди кочевьем своим кочуют, и в тех местех, где они кочуют, или где их... сойдут... над ними промышлять сколько бог помощи подаст, тех... киргиских людей воевать и привести их, киргизцов и улусных людей, под... государеву царскую высокую руку, чтоб они были... государю во всем послушны, в прямом холопстве навеки неотступны и чтоб... впредь от тех... киргиских людей Томскому городу и

Кузнецкому, и Красноярскому острогам тесноты не было и твои б государевы ясашные волости... повоеваны не были». После «смирения» киргизов силой Просовецкий должен был возвращаться в Томск²².

Составленный в Томске план похода предусматривал участие в нем красноярских служилых людей. Просовеций должен был «притти в Киргыскую землю к Белому озеру февраля в 15 день на сырной недели в субботу», соединиться здесь с двумя сотнями красноярцев и потом ударить на киргизов. (Белое озеро, из которого вытекает река Серез, находилось на пути из Томска к сердцу Киргизской земли — кочевьям у слияния Июсов.) Любопытно, что в грамоте из Томска красноярскому воеводе цель похода была сформулирована гораздо проще, чем в наказе Просовецкому: служилым людям и татарам надо было над «изменники и непослушники промышлять сколько бог помощи подаст», т.е. причинить противнику максимальный урон, ослабить его²³.

Послужной список дает представление о численности и составе отряда Просовецкого. Он содержит имена 10 детей боярских (6 из них были бывшими шляхтичами, крещенными в православие), 142 конных, 222 пеших казаков, 154 «иноземцев» (64 чатов и 90 юртовских татар), а также трех слуг участников похода: А.З. Просовецкого, сына боярского А. Михалевского и конного пятидесятника А. Губы (всего — 531 чел.). С учетом умерших от голода во время экспедиции казаков (об этом ниже) общее количество зафиксированных документами людей Просовецкого составляло 537²⁴. Вероятно, количество участников похода было большим, поскольку в послужные списки не включались имена погибших в бою. Кроме того, в них по каким-либо объективным причинам могли не попасть выжившие участники. В таком случае им приходилось подавать «индивидуальные» челобитные о пожаловании за службу и подтверждать свои заслуги «сказками» сослуживцев. Например, в 1642 г. в Москве была рассмотрена челобитная о верстании в дети боярские тарского казака Томилки Шарапова, данных о котором не нашлось в послужном списке похода против калмыков 1637 г., потому что он от «раны... лежал болен,

а человек бесплеменной и, как отпускали к Москве послужные списки, побить челом было за него некому»²⁵.

Небольшое количество русских служилых людей (27 чел.) отправили против киргизов вместо себя родственников (сыновей, братьев, а также внука и «приемыша») или «наемщиков» из числа служилых и «гулящих» людей²⁶. Чаще всего служилые так поступали из-за состояния здоровья.

Служилым, отправлявшимся в поход на киргизов, пришлось потратить немалые суммы на снаряжение. Конным казакам «подъем» обошелся «рублев по пятидесяти, и по сороку, и по тридцати человеку», пешим — «рублев по пятнадцати и по дватцати», чатам и юртовским татарам «по дватцати и больше». В результате участники похода «в том... подъеме» «обнищали и одолжали великими долги».

Биографии А.З. Просовецкого и А. Михалевского неплохо известны, и поэтому мы не будем на них останавливаться²⁷. Вместе с тем в связи с обнаружением новых данных считаем необходимым сказать несколько слов о командире конницы П. Рыхлевском. В своей челобитной он говорил, что приехал на русскую службу из «Литвы» через «свитцкого короля землю» в Великий Новгород при воеводах кн. И.А. Хованском и М.А. Вельяминове (были на новгородском воеводстве с 24 апреля 1617 г. по 5 июля 1619 г.)²⁸. (Сын Павла Рыхлевского Андрей писал в одной из своих челобитных, что отец был родом из Каменца-Подольского²⁹.) П. Рыхлевского сначала пожаловали «государевым жалованьем» в Москве, а в 129 (1620/1) г. направили на службу в Тобольск, где он прослужил в детях боярских до 139 (1630/1) г. Находясь в Сибири, Рыхлевский исполнял обычные для сына боярского службы: возил государевы грамоты, ездил в Мангазею для «сыскных дел», направлялся в Тарский город на годовую службу, собирал ясак, устанавливал размеры «выдельного хлеба» для части неслужилого населения Тобольского уезда (посадских людей, попов, причетников и т.д., кроме пашенных крестьян). Осенью 1629 г. Рыхлевского послали во главе отряда из 60 чел. для «острожного ставленья» на «урочище

Иртиш на Ишимское устье». Здесь он со своими людьми «поставил четыре острога и около рвы покапали, и надолобы учинили, и всякими крепостями укрепили: на Ишине руским и тотаром два острога поставили, да в Тебеневои волости, да в Коурдаку волости четвертой острог поставили» (под Тебеневои, видимо, следует понимать Тебендинскую волость). В этих острожках Рыхлевский оставался «больше полугоду» на службе вместе с головой Лукьяном Башмаковым. В 139 (1630/1) г. Рыхлевского перевели на службу в Томск³⁰.

Во главе чатов и юртовских татар стоял чатский мурза Бурлак Аккулин. Он верно служил руским со времени основания Томского города и неоднократно выступал вождем «иноземческих» отрядов (например, во время боев со взбунтовавшимся мурзой Тарлавом в 1631 г.)³¹.

В отписке томских воевод, претворяющей послужной список, говорится, что Просовецкий выступил в поход 30 января³². В Красноярск томские воеводы отписали, что они отправили служилых людей и татар «генваря месяца после Офонасива дни и Кирила» (очевидно, после «Афанасия Ломоноса» — 18 января 1634 г.). Однако такая датировка начала экспедиции не может быть признана достоверной. Н.И. Карамышев позднее сообщал в Казанский дворец, что Н.И. Егупов-Черкасский «послал служилых людей ис Томсково города за две недели до масленых заговен, а пришли они в Киргыскую землю на третей неделе великого поста, а только бы... по князь Микитиным отпискам пошли красноярские служилые люди в киргызы к тому сроку, на масленой недели в субботу, и оне б пришли до томских людей за две недели, и им было всем побитым быть»³³. В челобитных томских служилых людей, чатов и юртовских татар содержится конкретная дата начала похода — 10 февраля 1634 г.

Вероятно, выступление планировалось на конец января, но Просовецкий по каким-то причинам отправился с существенной задержкой. Следует отметить, что эта задержка оказалась не единственной причиной того, что красноярцы не приняли участия в боях с киргизами. Отписки из Томска были

получены красноярским воеводой слишком поздно — 12 февраля 1634 г. Везшие их служилые люди были оставлены проводниками из «иноземцев» посреди тайги, где плутали некоторое время, пока не были случайно обнаружены ходившими на соболиный промысел красноярскими татарами. К тому же в Красноярском остроге зимовало только 70 служилых людей, а остальные «для хлебной скудости» жили в Енисейске³⁴. Отправлять в поход было попросту некого.

Томские воеводы отчитывались в Москву о действиях в Киргизской земле на основании грамоты Просовецкого, полученной ими 20 марта 1634 г. Согласно этому документу, по мере приближения к Белому озеру 25 февраля 1634 г. начальник томского отряда послал вперед основные силы для захвата «языков» мурзу Бурлака с 30 татарами и 70 конных казаков под началом пятидесятника Андрюшки Губы. Ратные люди, исполняя приказ Просовецкого, у «киргизских князцов у Бектеня да у мергенева у табуна дву мужиков киргиз убили да живых взяли пяти человек»³⁵. Также в ходе рейда у Белого озера русский отряд отогнал неприятельские конные табуны³⁶.

Согласно челобитной Михалевского, «доставши языка не Белом озере», отряд Просовецкого продвинулся к «урочищу» «Черный Миус» (видимо, некая местность в районе нижнего течения реки Черный Июс), где была предпринята атака на киргизские улусы³⁷. Михалевский утверждал, что нападение закончилась неудачей. Вопреки замыслу, составленному совместно со служилыми людьми, нанести киргизам внезапный удар, «утаяся под горами Черново Миуса» Просовецкий, «выбрав лутчих служилых людей и мурз чацких, послал вперед ударить на юрты». Михалевский рассказывал о своих безуспешных попытках отговорить Просовецкого от опрометчивого шага, в результате которого «как те служилые люди и мурзы чацкие палися в юртах на здобычу и на табун, и в розгоне тех служилых людей и мурз чацких побили»³⁸.

Отписка томских воевод и челобитная Рыхлевского рисуют несколько иную картину. После захвата языков на Белом озере томский отряд двинулся в

южном направлении — в район Божьего (Большого) озера. 2 марта 1634 г. Просовецкий пошел «от Божья озера на Черной Июс и по Черному Июсу вверх по язычной сказке послал он сына боярсково Павла Рыхлевсково, а с ним детей боярских да дву пятидесятников с конными казаками, да чацких мурз Кизлана да Бурлака на чекпаевы юрты для языков киргиских людей»³⁹. Под началом Рыхлевского находилось 90 русских служилых, а чатские мурзы, вероятно, повели в бой большую часть своих людей. Видимо, атака была не столь уж неудачной, поскольку Рыхлевский со своим ратниками, чатами и татарами «те чекпаевы юрты взяли и многих киргизских людей побили и жон их и детей в полон поимали»⁴⁰. Рыхлевский, подчеркивая свои заслуги, сообщал, что он на той «драке» убил «киргисково лутчево человека» (представителя родовой верхушки). Судя по данным послужного списка, количество пленников оказалось достаточно большим (об этом ниже).

Трудности начались после разгрома «чекпаевых юрт». Косвенно об этом свидетельствует очень «скомканное» сообщение из отписки Просовецкого о завершении похода, согласно которому «с чекпаевых юрт ушли утеклецы киргиские люди в большие киргиские улусы с вестью, а Ондрей... Просовецкой по язычной скаске з детьми боярскими и со всеми служилыми людьми, и с чатцкими, и с Томи мурзы, и с тотары пошел было на большие киргиские улусы и киргиские люди, собрався великим собраньем с алтырцы и с киштымы, не допустя их до своих улусов, учинили бой, на том бою многих киргиских и алтырцов побили и переранили»⁴¹. Как видим, томский отряд столкнулся с объединенной силой Алтысарского и Алтырского улусов.

У Михалевского имеется более подробный рассказ об этом эпизоде, согласно которому Просовецкий, получив вест о том, что ратные люди ведут упорный бой с киргизами, поспешил на помощь во главе конницы. В это время кочевники совершили неожиданный маневр: «...скратчися промеж гор, ударили на пеших, нападши без вест, пеших побивать стали». Бывший тушинский атаман проявил нерешительность, «стал в крепком месте

табориться», зато Михалевский увлек небольшой конный отряд на выручку пешим казакам и помог им отбиться от внезапного нападения. По утверждению челобитчика, в жарком бою он сбил шлем с киргизского князца Изерчея и ранил князца Бектеня⁴². Впрочем, судя по данным послужного списка, личное участие Михалевского в боях с киргизами состояло в том, что «он мужика убил и другово мужика с лошади збил»⁴³. О знатном происхождении этих «мужиков» нигде кроме челобитной Михалевского не сказано.

После описанных боевых столкновений, служилые люди и татары, отягощенные добычей, решили выходить из Киргизской земли. В это время, согласно Михалевскому, к киргизам на подмогу пришли 400 монгольских «куяшников» во главе с «зятем алтын-хана» «Турай-табуном». Челобитчик утверждал, что монголы и киргизы «подпадаючи нам под таборы, билися с нами 4 дни». Когда неприятель преградил путь в Томский уезд, служилые люди уговорили Михалевского встать во главе отряда для прорыва. «Когда куюшники мугалские, киргиские люди первым напуском служивых людей копьями змешивать учали», Михалевский, по его словам, лично повел казаков на бой, который завершился успехом: «...мугалских людей сперли, Турай-табуна убили, и мугалских людей многих побили и поранили, и в напусках киргиских лутчево князца сына Ишеева убили и многих киргиз побили и поранили». Сам челобитчик так живописал свое участие в бою: «...перед всем войском от мугалских и киргиских стрел латы на мне пробивали, на голове шишак пробиваючи, стрелы утыкали, со криком великим на меня... напускаючи, голову ранили»⁴⁴.

К счастью, известие Михалевского о столкновении с монголами не уникально, поскольку об этом эпизоде упомянул в Казанском дворце А. Чижов. Он рассказал, что «как они поворотились из Киргизской земли, и на них приходили, собрався, киргизы с мугалскими людьми, по два дни приступали, и они де отходили от них обострожаяся городком». Как видно, оборонительные бои длились 2 дня (а не 4, как утверждал Михалевский), в ходе них русские

применили какое-то наспех построенное оборонительное сооружение. Никаких сведений о прорыве Михалевского Чижов не упомянул. Зато он рассказал о печальной судьбе пленных киргизских «мужиков». Когда монголы и киргизы атаковали русский отряд, служилые люди «тех мужиков, объявля головам и записав в язычной привод, побивали» из опасения, что они убегут во время боя. При этом Чижов бесхитростно заявил, что служилые и раньше «не важивали» в Томск пленных «мужиков», потому что те убегали, когда их сородичи совершали ответные нападения на Томский уезд. К тому же, по его словам, служилым людям «от тех мужиков бывает налога, потому что тех мужиков стеречь заставляють, а иных отдают за приставы по ним же и кормить их велют им же, служилым людем, своим хлебом и они де для того тех мужиков в Томской не водят»⁴⁵.

Возможно, бой с киргизами и монголами был не столь упорным, как утверждал Михалевский. Кроме этого, в его рассказе также имеются сюжеты, вызывающие обоснованные сомнения. Первый из них — это известие о гибели в бою сына «старшего» алтысарского князца Ишея. Оно не находит подтверждения в официальной отписке о результатах похода, послужном списке, коллективных челобитных русских служилых людей, чатов и татар, челобитных Рыхлевского и Чижова. В то же время, в подобных документах, составленных с целью продемонстрировать московским властям свое радение на государевой службе, отражались известия о гибели представителей «иноземческой» родовой верхушки (если таковая имела место быть).

Рассказ Михалевского о полученных им ранах не соответствует данным послужного списка, в котором наличие таковых не упоминается вовсе⁴⁶. Впрочем, настаивая на своей версии событий, Михалевский всячески обвинял Просовецкого в утаивании его заслуг «по недружбе»⁴⁷.

Еще один сомнительный эпизод — это гибель в бою зятя алтын-хана Омбо Эрдени «Турай-табуна» (которое, подобно известию о гибели сына Ишея, не отразилось в других документах). Челобитная Михалевского является

единственным известным документом среди изученного массива русскоязычных источников по истории русско-монгольских отношений XVII в., в котором читается такая форма имени монгольского вельможи. Наряду с этим в источниках нередко встречается очень похожее имя частого «гостя» в Киргизской земле — Дурал-табуна. Русские документы именуют его «братом» алтын-хана, однако, если обратиться к монгольской летописи «Шара Туджи», выяснится, что Дурал не принадлежал к числу братьев Омбо Эрдени⁴⁸. Титул «табунанг» (в русских актах — «табун»), употреблявшийся с личными именами, носили зятья монгольских ханов и «тайшей»⁴⁹. В одном сравнительно позднем документе 1657 г. Дурал-табун назван также Турал-табуном⁵⁰. Значит, вероятнее всего, в челобитной Михалевского под именем Турай-табун фигурирует зять хана Дурал-табун, т.е. челобитчик правильно указал «титул» вельможи, но допустил неточность в его имени. Следует учесть, что «вариативность» написания имен «иноземцев» в документации XVII в. не была редкостью.

Если принять версию о том, что Турай-табун и Дурал-табун — это одно лицо, то сообщение Михалевского о гибели в бою зятя алтын-хана следует признать недостоверным. Источники содержат немало сведений о деятельности Дурал-табуна в период после похода Просовецкого. Известно, что в начале 1634 г. он принимал русских посланников (как видим, табунанг находился у киргизов в первой половине года, когда происходили бои, и этот факт свидетельствует в пользу версии о его тождестве с Турай-табуном). В декабре этого же года он «шертовал» русскому царю вместе с алтын-ханом, а в апреле 1637 г. приезжает сам с посольством в Томск (где стал жертвой покушения со стороны сопровождавшего монголов киргиза). В октябре 1638 г. Дурал-табун принял в своем улусе русского посланца к ламе Даин Мергену С. Неверова⁵¹. Возможно, в челобитной бывшего шляхтича нашли отражение какие-то слухи, распространившиеся среди томских служилых людей. Косвенным образом о

сомнительности некоторых утверждений Михалевского свидетельствует отказ Москвы удовлетворить его челобитную.

Присутствие монголов в Киргизской земле можно объяснить не только необходимостью военной помощи киргизам. Например, в декабре 1642 г. здесь находилось 20 монгольских сборщиков ясака и племянник алтын-хана Сенжитайша с 60 монголами, которые прибыли для «кормли»⁵². Не исключено, что зимой 1633/4 гг. Дурал-табун явился вместе со своими людьми «в киргизы» с похожими целями.

С учетом имеющихся данных о походе 1634 г. представляется ошибочным использование Л.А. Бобровым и Ю.С. Худяковым челобитной Михалевского в качестве подтверждения существования у монголов XVII в. тактического приема «трех напусков» — трех «фаз» боя (лучного обстрела, копейного удара и «рукопашной схватки» с применением клинкового оружия). Как было показано нами, Михалевский сообщал царю о копейной атаке монголов и о том, что во время прорыва из окружения он получал раны стрелами. Вопреки мнению Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова, Михалевский не упоминает о повторяющихся атаках монголов и киргизов исключительно с применением луков⁵³. Вообще реконструировать тактические приемы кочевников по сохранившимся документам о походе Просовецкого (и не только) сложно, поскольку в них боевые эпизоды описываются скупо.

Послужной список позволяет оценить масштаб боев и их результат. Из 10 детей боярских (среди которых был казачий голова Петр Сабанский) 6 человек убили по «мужику», двое взяли пленных (в послужном списке учитывали только вражеских мужчин-воинов, убитых в бою или взятых в плен), трое нанесли ранения противникам. Один из детей боярских был ранен и один потерял в бою лошадь.

Конные, пешие казаки и боевые слуги убили 48 «мужиков», взяли в плен 55, ранили 65 киргизов, убили в бою 61 киргизскую лошадь. 40 казаков получили ранения, в бою погибло 13 казацких лошадей (причем, одну лошадь

убили под пешим казаком, что рождает предположение, что группа пеших казаков сражалась в конном строю). Чатские мурзы и юртовские татары пленили 84 киргизских «мужика» и убили четверых. Только два «иноземца» получили ранения. Видимо, чаты и татары в большей степени были озабочены захватом ясыря, чем разгромом киргизских отрядов. Общие потери киргизов в людях составили 58 убитых, 68 раненных и 141 пленный «мужиков»⁵⁴. Если довериться данным послужного списка, с учетом того, что в Киргизской земле в XVII в. всего было порядка одной тысячи мужчин, способных носить оружие, можно судить о существенных потерях с киргизской стороны⁵⁵.

Из 43 раненых в бою большинство получили ранения в руки и ноги (27 чел.). В голову и шею было ранено 4 чел.; в грудь, спину, и «бока» — 5 чел. Куда были ранены два человека в послужном списке не указано. Один боец получил ранения в разные места: в ногу, руку и в «вихрец пониж поясницы» (видимо, в копчик). Среди раненных числился пострадавший от несчастного случая: у Якушки Васильева сына Осоки Кузнеца «на бою пицаль розорвало, у левой руки два перста оторвало». Сравнительно небольшое количество ран в туловище и голову наводит на мысль о наличии у томских казаков защитного вооружения (например, куяков и кольчуг).

На обратном пути в томском отряде от голода умерло 6 служилых. Ощутимый урон был в конском составе, лошади «попадали, потому что снега были глубокие и консково корму... добывать не могли».

Согласно официальной отписке из Томска в Москву, Просовецкий пришел в Томск 4 апреля. Однако есть известия о том, что служилые люди возвращались домой позже. Как они утверждали в коллективной челобитной, «ходу... было ис Томского города и назад одиннатцать недель». А. Чижов рассказывал, что «было де тово их походу 12 недель, а иные же их товарищи, которые устали, и им было ходу больши 15 недель»⁵⁶. Таким образом, томские служилые люди, чаты и татары вернулись все из похода только к маю 1634 г.

Думается, что, вопреки пассажирам Михалевского, боевые потери отряда Просовецкого были относительно невелики. Согласно послужному списку, из похода вернулось 374 детей боярских и казаков. По подсчетам З.Я. Бояршиновой, общее количество русских служилых людей Томска в 1634 г. составляло 500 чел.⁵⁷ В полном составе они не могли выступить в поход, поскольку требовалось оставить несколько десятков человек для обороны Томского города, сел и уездных острогов (например, Мелесского). Часть служилых занималась ясачным сбором и находилась в разных «посылках» (например, сопровождала ясачную казну). Следовательно, общее количество русских служилых людей, отправившихся в поход, едва ли существенно превышало число вернувшихся в Томск. По всей видимости, ощутимых потерь не понес также отряд чатов и юртовских татар. В 1634 г. они выставили самый сильный воинский контингент за первую половину XVII в. Для сравнения: в составе отряда из 400 чел. под началом Я.О. Тухачевского в походе на мятежного князца Тарлава было 100 «иноземцев», послужной список масштабного похода И.С. Кобыльского лета 1642 г. содержит имена девяти десятков чатов и томских татар⁵⁸.

Ближайшим следствием экспедиции Просовецкого оказалось то, что киргизы «ясашных людей отпустили в ясашные места на Кию, на Чюлым и на Яю»⁵⁹.

По итогам похода в Москве было принято решение о награждении его участников. Из дел, хранившихся в приказе Казанского дворца, были выписаны «на пример к челобитью» размеры денежных наград, назначенных томским служилым людям за поход против киргизов 1615 г., а также тарским и тюменским служилым за походы против калмыков 1628, 1630, 1632 гг. С учетом этих сведений было решено русским служилым людям, чатам и юртовским татарам выдать жалованье «в приказ» (т.е. произвести разовое вознаграждение).

Согласно государевой грамоте в Томск, по ее получении воевода должен был собрать участников похода перед съезжей избой и объявить им

«благодарность» от царя: «...сказати им наше жалованое слово, что мы за их службу пожаловали, и чтоб томские служилые люди были на наше жалованье и вперед надежны, где будут посланы, нам служилым нашим делом промышляли и радели». После этого полагалось выдать деньги «по росписи ис томских денежных доходов» и отчитаться об этом в Москву. Детям боярским Петру Сабанскому за «убитого мужика» и за рану причиталось 2 руб.; Павлу Рыхлевскому и Яну Глинскому «за взятых мужиков» по рублю; Астафию Михалевскому, Ивану Рытцкому, Матьяшу Хазинскому, Федору Пущину за убитых «мужиков» по рублю человеку; Степану Александрову, Григорию Пущину за раненых «мужиков» по полтине человеку (один из 10 детей боярских уехал из Томска и поэтому не награждался). Чатские мурзы Бурлак Аккулин и Тагмень (Итегмень) Тарлавов за четырех пленных «мужиков» (каждый взял двоих) должны были получить по 2 рубля. Казакам, чатам, татарам полагалось выдавать за убитых, плененных «мужиков» и за каждую рану — по рублю человеку, за раненых мужиков и «явственный бой» — по полтине⁶⁰.

Большинство участников похода, скорее всего, получили награду спустя непродолжительное время после его окончания. Об этом можно судить по возмущенному пассажиру Михалевского о том, как Просовецкий «сверстал» его с «последним томским служилым человеком» пастухом Омелькою Закомолдою (имелся в виду пеший казак Омелька Федоров сын Комалда, который получил две раны в ногу). В итоге Омельке было дано 2 рубля, а внезапно вспомнившему шляхетский гонор Михалевскому — рубль⁶¹. Тем не менее были и те, кто длительное время оставался без денег. Так, в июле 1647 г. (спустя 13 лет после экспедиции Просовецкого) чатские мурзы Итегмень и Койбас Тарлавовы били челом царю о том, что еще не пожалованы за службу в Киргизской земле «на Белом озере»⁶². Вероятно, причиной этому была нестабильность наполнения государевой казны в Томске.

Говоря об итогах похода, можно заключить, что его главная цель оказалась недостижимой в силу ряда трудностей организационного и логистического характера. Зимний поход на дальние киргизские кочевья обернулся голодом для людей и лошадиной бескормицей. Красноярский воевода не имел возможности подать руку помощи томичам. Киргизы, находясь у себя дома, сумели довольно быстро собраться с силами и не допустить проникновения русского отряда в центр своей земли.

В то же время определенные успехи были достигнуты. Пленные ясачные люди Томского уезда были отпущены киргизами на свободу, в боевых действиях наступила пауза до лета 1634 г. Столкновения с обитателями Киргизской земли возобновились в июне 1634 г., когда красноярские казаки совершили поход на тубинцев и кашинцев, которые незадолго до этого пограбили ясачные волости Красноярского уезда. 11 августа 1634 г. киргизы вместе с монголами в числе 1 тыс. чел. внезапно атаковали Красноярск. Они «побили» в уезде 12 казаков, 4 ссыльных литовцев и русских, 30 крестьян и 40 ясачных людей. 4 дня киргизы стояли под стенами острога и пытались приступить к нему. Несмотря на то, что гарнизон составлял всего 120 чел., атаман Милослав Кольцов во главе отряда казаков совершил вылазку и отбил отогнанный от Красноярска скот. Это нападение было не единственным в тот год. 16 октября 1634 г. киргизы отогнали лошадиные табуны и коровьи стада красноярских жителей, 25 октября 1634 г. «кизилские мужики» напали на ясачных аринцев⁶³. Как видим, после похода Просовецкого киргизы перенесли свои удары на Красноярский уезд, подальше от томского гарнизона.

В ближайшее после похода Просовецкого время русские власти безуспешно пытались привести к шерти киргизов путем переговоров с алтынханом (декабрь 1634 г.) и пребывавшим в Киргизской земле ламой Даин Мергеном (май 1635 г.)⁶⁴.

В 1635 г. набеги на Красноярский уезд продолжились, что привело к измене и отъезду в Киргизскую землю «подгородних» татар (аринцев и

качинцев), а также утрате контроля над несколькими ясачными волостями⁶⁵. Потребовалось немало усилий, чтобы вернуть «иноземцев» в подданство русского царя.

17 сентября 1635 г. киргизской отряд, насчитывавший порядка 1 тыс. чел., совершил новое нападение на Кузнецкий уезд. Пятеро русских людей погибло, была разорена Тюлюберская ясачная волость, в которой киргизы убили 12 ясачных и пленили 20 их жен и детей. От Кузнецка был отогнан скот русских людей, в том числе лошади, купленные для пашенных крестьян за казенные средства. Киргизы сожгли крестьянский хлеб на гумнах и заготовленное на зиму сено⁶⁶.

Со временем русскому правительству стало ясно, что киргизскую проблему можно решить исключительно силовым способом. Причем служилых людей и татар Томского разряда для этого будет недостаточно, поэтому в 1641 г. в Киргизскую землю был отправлен отряд ратников Тобольского и Томского разрядов под началом второго воеводы города Тары Я.О. Тухачевского, которому было предписано привести киргизов к шерти и возвести посреди их улусов острог. Несмотря на предпринятые усилия, Тухачевскому не удалось в полной мере выполнить поставленных задач (воевода лишь возвел небольшой Ачинский острог в Кизылской волости). И только в августе следующего года томский второй воевода И.С. Кобыльский сумел разгромить объединенное войско всей Киргизской земли и, наконец, привести киргизов к присяге русскому царю, что прервало конфликт с ними на 24 года. В боях 1642 г. огромную роль сыграли отряды красноярских служилых людей и татар, общей численностью около 280 чел.⁶⁷

Мы не писали бы о своем опыте общения с ТГУ, если бы не следующее обстоятельство. В одиннадцатом номере «Ученых записок музея-заповедника «Томская Писаница» (изд. в г. Кемерово) за 2020 г. вышла статья к.и.н. В.Н. Добжанского «Киргизский поход 1634 года под руководством А.З. Просовецкого»⁶⁹, в связи с чем мы считаем необходимым показать самостоятельность своей работы, а также составить свой отзыв о статье Добжанского.

На наш взгляд, целесообразнее опубликовать статью в том виде, в каком она находилась в редакции «Вестника...» ТГУ, а отзыв о другой работе оформить отдельным дополнением (ниже при обращении к тексту Добжанского в скобках будут указываться соответствующие страницы «Ученых записок...»).

Итак, статья Добжанского написана главным образом на том же материале, что и наша работа (среди источников отписка томских воевод о походе, послужной список его участников, отписка красноярского воеводы, дело о награждении служилых людей, челобитная Михалевского), поэтому ряд выводов Добжанского сходен с нашими (например, о преувеличении роли Михалевского в событиях 1634 г.; о том, что Турай-табун не погиб в бою).

Некоторые документы, использованные нами (челобитные Рыхлевского и чатских мурз), остались неизвестными Добжанскому. Ему же, в свою очередь, удалось обратить внимание на источник, который мы не изучали. Это челобитная группы томских казаков, в прочтении Добжанского: «Василия и Степана Седельниковых, Ивана Якимова, Федора Захарьева, Богдана и Михаила Зыраефиных» (с. 159). Правда, при обращении к тексту документа выясняется, что Богдан и Михаил носили фамилию Сараежины (в послужном списке — Сыроежины)⁷⁰. Документ содержит несколько важных подробностей. Оказывается, во время боев на Белом озере и Черном Июсе казаки и татары отогнали не только киргизских лошадей, но и верблюдов. Нагрузившись добычей, служилые люди и татары повернули в Томск, и «с пятава дни» на них обрушились киргизы и монголы, чье количество казаки определили в пять

сотен. Нападение произошло ночью с использованием эффекта внезапности («на томных и на сонных наехав»). В результате иноземцам удалось отбить у людей Просовецкого часть лошадей и верблюдов, а также пленников. На обратном пути русским пришлось идти на лыжах и питаться падалью (в т.ч. верблюжьими «стервами»)⁷¹.

Несмотря на солидную источниковую базу, работа Добжанского содержит много, мягко говоря, спорных и нелогичных заявлений, на которые мы обратим внимание ниже.

Добжанский полагает, что эпизод монгольской помощи киргизам, рассказанный Михалевским, «не находит подтверждения в известных нам документах и противоречит им» (с. 125). Хотя далее (на с. 127) он пишет, что участие в боях монголов отмечал не только Михалевский. В подтверждение своей позиции автор приводит два довода. Первый касается русско-монгольских дипломатических контактов в первой половине 1634 г., в ходе которых незадолго до похода Просовецкого Турай-табун принимал в Сагайской земле (находилась на р. Улень) русских казаков, следовавших из Кузнецка к тайше Омбо Эрдени. По мнению Добжанского, «обострение отношений с русскими людьми накануне прибытия посольства Тухачевского было не в интересах монголов» (с. 127). Второй аргумент связан с русской и татарской челобитными в деле о награждении за поход, где говорилось, что люди Просовецкого «в полон поймали» жен и детей не только киргизов, но и монголов. Эти слова толкуются Добжанским так, будто монголы пошли на бой с томскими служилыми людьми, «взяв с собой своих жен и детей». Вполне логичное утверждение казаков Седельниковых и Сыроежиных о том, что после погрома киргизы позвали к себе на вырубку монголов, почему-то подводит Добжанского к мысли, будто русские «обратились за помощью алтыновых людей», согласно тексту — «для оправдания своего ухода из Киргизской земли» (с. 127).

Приведенные выводы Добжанского невозможно принять в силу целого ряда причин. Точная дата встречи русских посланников с Турай-табуном не указана в источниках (их текст приводит автор статьи), а к моменту вторжения Просовецкого табунанг со своей свитой, поскольку они являлись кочевниками, мог переместиться на значительное расстояние от Сагайской земли. На протяжении всего русско-киргизского противостояния военные акции соседствовали с дипломатическими, и такая ситуация, когда почти одновременно в одной части Киргизской земли дрались, а в другой — те же стороны о чем-то договаривались, была обычным делом⁷². Какие-либо переговоры с русскими уж точно не могли быть препятствием для монгольских воинов, чтоб отправиться на защиту подданных своего князя. Но самое важное — прямое указание сразу нескольких источников на участие в боях монголов, для его опровержения нет оснований.

Строки двух почти идентичных по форме и содержанию челобитных, где говорится о пленении жен и детей монголов, не согласуются с другими источниками, согласно которым «ясырями» становились только киргизы (с отпиской томских воевод, челобитными Михалевского и группы томских конных казаков, объяснениями Аггея Чинова). Возможно, упоминание пленников-монголов было добавлено в указанные документы для «красного словца» (особенно, если учесть, что челобитные такого рода всегда имели целью подчеркнуть заслуги челобитчиков). Впрочем, не исключено, что отдельные члены семей монголов, которые приехали на зиму к киргизам кормиться, затесались среди алтысарцев, на которых обрушился Рыхлевский. Что до «оправданий» людей Просовецкого (по версии Добжанского), то в нашей статье показано, как люди Просовецкого решили выходить из Киргизской земли еще до столкновения с монголами. Как видим, Добжанский своими рассуждениями нарушает причинно-следственную связь событий.

Рассуждая о личностях Просовецкого и Михалевского в связи с публикацией челобитной последнего, осуществленной И.Р. Соколовским,

Добжанский пишет: «...в реальности же говорить о воинских качествах обоих не имеет смысла, в нашем распоряжении нет никаких документов об этом» (С. 129). Если в отношении Михалевского такое утверждение можно принять, то Просовецкий был известной личностью. Имя этого яркого приверженца тушинского вора («стольника» в калужском лагере «царика»), позднее поддержавшего первое ополчение, довольно часто встречается на страницах русских летописей, документов и сочинений иностранцев той эпохи.

Андрей Просовецкий активно участвовал в «малой войне» на территории России. Например, весной 1610 г. он, уходя от правительственных войск совместно с печально известным А. Лисовским, выступив из Суздаля, совершил глубокий рейд, в ходе которого разорил Ростов Великий и Калязин монастырь⁷³. Люди Лисовского и Просовецкого убили в монастыре воеводу Давыда Жеребцова, игумена и всех монахов, ограбили монастырскую казну, а мощи Макария Калязинского вышвырнули из серебряной раки на землю. В «Новом летописце» так говорится о делах атамана на русском Северо-Западе (куда он пришел из Замосковского края): «...наипаче ж Литвы и Лисовского той же злодей Ондрей Просовецкой с казаками поиде войною, и быша под Иваном городом и подо Псковом и тута с Литовскими людьми разошлись»⁷⁴.

Бывало, Просовецкий выступал на «первых ролях» в крупных походах. Так, в начале апреля 1611 г. он, взаимодействуя с войском Прокопия Ляпунова, вел свои силы к Москве. При этом он использовал подвижное оборонительное сооружение — «гуляй-город», который, по утверждению современника событий, представлял собой подвижную ограду из «огромных саней, на которых стояли ворота с несколькими отверстиями, для стрельяния из самопалов»⁷⁵.

Просовецкого можно характеризовать как авторитетного вожака казачьей массы, обладавшего серьезным военным опытом и совершенно аморального. Думается, его опыт и послужил причиной назначения командиром в киргизский поход. А построения Добжанского, согласно которым назначение

Просовецкого могло быть связано с тем, что его имя было знакомо томскому воеводе, или с тем, что томский воевода привез Просовецкому царскую грамоту о прощении, нам видятся излишними (с. 131, 132).

Необходимо обратить внимание читателей, что расчеты численности отряда Просовецкого и потерь киргизов, произведенные Добжанским, расходятся с нашими (С. 132, 135). При подсчетах мы использовали послужной список и не исключено, что разночтения вызваны тем, что документ был изучен Добжанским не в полном объеме (о чем будет сказано особо).

Довольно странными выглядят попытки Добжанского соотнести маршрут отряда Просовецкого с географическими ориентирами. Исследователь пишет, что казаки и татары шли от Божьего озера до р. Печище, и, следовательно, «чекпаевы юрты» находились «выше устья» этой реки. Для подтверждения этого тезиса Добжанский обращается к путевым материалам Г.Ф. Миллера, согласно которым тюркское население проживало (в 1730-х гг.!) вдоль нижнего течения Черного Июса до его притока р. Саралы (это несмотря на то, что между устьями рек Печище и Сарала более 25 км по прямой). Потом Добжанский безо всяких оснований утверждает, что число «чекпаевых юрт» было «незначительно, примерно 10–15» (с. 134). Далее он пытается установить место боя с «большими киргизами» методом авторского развития сюжета челобитной Михалевского о том, что иноземцы ударили на русских «скратчися промеж гор». Как считает Добжанский, Алтысарский улус находился вблизи Белого Июса в районе своего «каменного городка», и поэтому Просовецкий пошел туда через Черный Июс, минул гору Келоям-Холасы и где-то около нее сразился с киргизами. Гора Келоям-Холасы и еще одна безымянная гора поблизости, по версии исследователя, и были теми самыми горами, где киргизы устроили засаду (с. 135).

Предложенная Добжанским реконструкция событий должна быть решительно отвергнута, поскольку дошедшие до нас документы не содержат никаких точных географических ориентиров, касающихся боев на Черном

Июсе. Метод «дописывания» источников, которые «замолчали» на самом интересном месте, нельзя признать научным. Единственное уточнение в источниках выражается в известии о посылке Рыхлевского «вверх по Черному Миюсу» (вдоль русла замерзшей реки, очевидно)⁷⁶. Однако мы не знаем, как далеко продвинулся Рыхлевский, переходил ли Просовецкий Черный Июс, и откуда двигались на него основные силы киргизов.

Непонятно, почему по версии Добжанского Алтысарский улус должен был находиться в каком-то конкретном месте у Белого Июса. Еще Н.Н. Козьмин указывал, что кочевья алтысарцев располагались на обоих Июсах и около Божьего озера, а С.В. Бахрушин отмечал, что границы расселения киргизов «часто колебались под влиянием внешних осложнений»⁷⁷. В зимнее время из-за скудной кормовой базы для скота территория, занятая киргизскими улусами, могла сильно расширяться по сравнению с теплым периодом. Даже если приглядеться к фрагменту чертежа Томского уезда конца XVII в., который помещен в статью Добжанского, то с левой стороны устья Черного Июса можно найти Корчинков улус. Корчин (Корчун) — это алтысарский князец, внук Ишея Номчина, который был старшим князцом в период похода Просовецкого. Как видим, даже привлеченный Добжанским картографический материал противоречит его логике.

Добжанский в своем тексте пытается обличать предшественников в том, что их «ляпы» «свидетельствуют о слабых познаниях историков в географии в целом, и в географии Южной Сибири в частности» (с. 124). Однако сам, несмотря на свое связанное с археологией прошлое (предполагающее хорошее знание географии своего региона), почему-то принялся искать «горы Черного Миюса» в междуречье двух Июсов. Хотя, если учесть, что горами во времена Просовецкого могли называть даже большие холмы, таковые можно видеть вдоль всего левого берега Черного Июса. Осенью 2020 г. нам случилось побывать в деревне Малый Сюттик, возле которой Июсы сливаются, образуя Чулым. С обрывистого берега Белого Июса гряда возвышенностей, тянущаяся

по направлению к р. Печище, хорошо видна (см. сделанные нами фото). Мы полагаем, что любой из этих холмов с каменистыми склонами мог оказаться местом киргизской засады.



Вид с правого берега Белого Июса на «горы», расположенные вдоль русла Черного Июса



Место слияния Белого и Черного Июсов

Неуместные упреки исследователям являются своеобразным рефреном статьи Добжанского. Он полагает, что «с легкой руки Бахрушина челобитная Михалевского стала восприниматься как документ, посвященный исключительно походу Просовецкого» (с. 124). В этой связи хотелось бы напомнить уважаемому исследователю, что С.В. Бахрушин, будучи во многом первопроходцем в изучении истории «енисейских» киргизов XVII в., на основании обнаруженной им отписки всего-навсего поведал об одном эпизоде русско-киргизских отношений. Быть может, без С.В. Бахрушина никто бы так и не узнал о Михалевском и похождениях Просовецкого в Сибири. Выдающийся ученый не виноват в том, что некоторые исследователи (далеко не все!) не расширяют источниковую базу, а переписывают его данные. А так Добжанский пишет о нашем современнике: «...появление столь необычного маршрута в работе Чертыкова объясняется, на наш взгляд, некритическим отношением к выводам своих предшественников, слепой верой в коллективную непогрешимость» (с. 124). Хотя работа В.К. Чертыкова, к слову, не относящаяся к военно-исторической литературе, совсем не отличается «некритичностью» к трудам некоторых исследователей (например, к концепциям Л.Р. Кызласова и В.Я. Бутанаева)⁷⁸.

Добжанский снабдил свою работу обширным документальным приложением (с. 136–160), в котором, видимо, решил опубликовать все известные ему источники по избранной теме. Несмотря на проделанный труд, здесь у него не обошлось без очевидных промахов.

Выборочное сопоставление публикации Добжанского с подлинниками позволило нам выявить ряд несоответствий. Далее мы приведем несколько примеров, связанных с послужным списком (это самый объемный документ из всех опубликованных). Так, у Добжанского не указано, что пеший казак Любимка Муромец ходил с Просовецким «в место» Томилки Ловчика⁷⁹. Сидорка Трифанов сын Галеченин (выходец из Галича Мерьского) назван Гаречениным. Ивашко Ортемьев сын Тарсково в бою не «мужика ранил», а

«лошадь убил». Федька Офонасьев сын Кокшар написан как «Кокшан». Тренка (Терентий) Васильев сын Сыроежин назван Гринкой (с. 137). Выходит, если вспомнить «Зыроефиных», отважному семейству Сыроежиных у Добжанского не повезло дважды⁸⁰. Ивашко Никитин сын Зыренин был пропущен публикатором⁸¹. Путилко (а не Путинко!) Матвиев сын Кутин в бою «взял мужика», а не ранил (с. 139)⁸². Казак Ортюшка носил прозвище Тарской (видимо, прозвище произошло от города, откуда он пришел в Томск), а не Горской. Пятидесятник Ивашко Савельев сын Нос у Добжанского указан с прозвищем «Кос» (с. 140)⁸³. Оничка Власов сын Охлебинин назван Ониской (с. 141)⁸⁴. Казачий пятидесятник носил фамилию не Иголишников, а Иголнишников⁸⁵. Семейка Кашпиров (возможно, немец) назван Кашпуровым (с. 142)⁸⁶. Федька Поликарпов Бараксан (прозвище намекает на происхождение из сибирских «иноземцев») именуется Баржасаном (с. 143)⁸⁷. Тренка Масласы, подобно Сыроежину, именуется Гренкой (с. 143)⁸⁸. Такую же участь разделил Тренка Микитин (с. 143)⁸⁹. Якушка Васильев сын Осока Кузнец назван Орсокой (с. 145)⁹⁰.

Существенным недостатком публикации послужного списка является отсутствие в ней 11 листов документа (листы 378–387, 393 из столбца 368 ф. 214), в которых записаны имена чатов и томских юртовских татар. Текст послужного списка обрывается у Добжанского на окончании четвертого ролика микрофильма соответствующей единицы хранения РГАДА. Очевидно, связано это с тем, что сам публикатор не работал в РГАДА, а пользовался микрофильмами, взятыми для него напрокат по гранту РФФИ (шифр этого транша, посвященного 400-летию Кузнецка, указан в статье). Видимо, в силу каких-то обстоятельств кемеровским грантовикам не удалось получить полный микрофильм.

Огрехи были допущены им при публикации не только послужного списка. Например, в отписке томских воевод пропущено имя ясачного человека, которого звали Кам (с. 146). Не исключено, что здесь мы имеем дело

с шаманом. В публикации этого же документа князец Кабай Ауспехев назван «Кабаном» (с. 147)⁹¹.

В заголовке одной из челобитных написано, что ее автор — пятидесятник «А. Панкратов». На самом деле это Аггей Чижов, а «Панкратов» здесь не фамилия, а отчество (с. 154).

Безусловно, мы не ставили своей задачей полную сверку публикации с подлинником, поскольку эту задачу должен был решить Добжанский.

Дополнение к нашей статье хотелось бы закончить на мажорной ноте. За время ожидания публикации в Томске нами в архиве был обнаружен любопытный документ, в котором содержатся некоторые подробности службы Михалевского в России. Его мы сочли нужным опубликовать особым приложением. Интересно, что в прилагаемом документе сын участника похода Просовецкого Федор сообщает, что его отец в бою с киргизами был «из лука в шею пробит». Никаких особых заслуг отца Федор не упоминает, что в очередной раз свидетельствует о преувеличении А. Михалевским своей роли.

Приложение**15 июля 1651 г. Грамота Иноземского приказа в Сибирский приказ с запросом о службах Астафия Михалевского и его сына Федора**

(Л. 154) Лета 7159го июля в 15 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку Григорью Протопопову.

Бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси иноземец Федор Астафив сын Михалевской. А сказал, в прошлом во 128м году выехал отец иво ис Польши с семнатцатью человеки, с поляки, на государево имя блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси служить ему, государю, покинув в Польше отца своиво и весь род свой. И по государеву указу про отчество отца иво иных выезжих иноземцов роспрашивано. И по роспросу велено отцу иво служить по московскому списку и даван был ему корм. И в прошлом де, во 129м году, того ж выезду, которые с отцом иво выехали два человека поляков, Бельский да Лиситцкий, своровали, своим умыслом побежали в Польшу, и по той причине сослан отец иво в Сибирь, в Томской город.

И в прошлом де во 141м году по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила (Л. 155) Федоровича всея Руси посылан был отец иво ис Томсково города на киргиских воинских людей. И, будучи де отец иво на государеве службе в киргизах, государю служил, бился на боях не щадя головы своей. И на том бою отец иво ранен был, из лука в шею пробит.

И в прошлом во 147м году посылан был отец ево с Томсково города на государеву службу на великую реку Лену в Якуцкой острог, а с великие реки Лены на Алдан реку в Буталской острог для проведыванья новых земель под государеву руку. И из Буталсково острогу ходил с ратными людьми против государевых непослушников на якуцких и тунгуцких людей на Амгу реку и на

Тату с ратными людьми и их побил, а иных лутчих людей взял в аманаты князцей Тетка Киринаева с товарищи. И под те аманаты взял в государеву казну дватцать четыре сорока соболей. И тому де ясачному збору присланы книги к государю к Москве в Сибирской приказ за отца иво рукою. И на том де бою отца иво ранили, а он де, Федор, с отцом своим на том бою бился и ранен, из лука пробрили ногу.

И в прошлом де во 149м году по наказной памяти стольника и воиводы Петра Головина посылан был отец иво из Якуцкого острогу на государеву службу в якуцкую волость к князцу к Очею с товарищи для государева ясачного збору и для описыванья (Л. 156) иноземцов якуцких людей. И те все якуцкие люди государю изменили, отца иво с подьячим, и с целовальники, и с служилыми людьми побили до смерти.

И в прошлом во 158м году приехал он, Федор, с великие реки Лены к Москве и скитаецца на Москве меж двор, помирает голодною смертью, а поместья и вотчины после отца иво нигде не осталось. И государь бы иво пожаловал за многую службу и за смерть отца иво, федорова, и за иво, федорову, службу, велел иво, Федора, поверстать своим государевым жалованьем в корм, кому он своей братье иноземцом службою и отчеством в версту.

И велел государь о службах отца иво из Иноземского приказу послать память в Сибирской приказ к тебе, боярину ко князю Алексею Никитичю и к дьяку Григорью. А на челобитной иво помета думново дьяка Михаила Волошенинова: государь пожаловал, велел указ учинить боярину Илье Даниловичю Милославскому, и, будет доведетца сослатца памятьми, и по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку Григорью Протопопову велети выписать в Сибир(Л. 157)ском приказе, в прошлом во 141м году по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси иноземец Астафей Михалевской ис Томсково

города на государевых изменников на киргиских воинских людей посылан и на том бою из лука ранен ли, и в прошлом во 147м году ис Томсково ж города на государеву службу на великую реку Лену в Якуцкой острог и с великие реки Лены на Алдан реку в Буталской острог для проведыванья новых земель под государеву руку посылан же ли, и якуцких и тунугских воинских людей на Амге реке и на Тате с ратными людьми побил ли, и лутчих людей в аманаты взял ли, и на том бою ранен ли, и он, Федор, на той государеве службе на бою с отцом своим был и из лука нога у него пробита ли, и отец иво на которой государеве службе убит, и что иво, федорова, где какая служба в Сибирском приказе в послужных списках и в воиводцких отписках написано и за службу отца иво и за иво, федорову, государева жалованья что дано? Да о том велети б отписать в Иноземской приказ к боярину к Илье Даниловичю Милославскому да к дьяку к Василью Ртищеву.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 339. Л. 154-157. Подлинник.

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. — М., 2000. — Т. 2. — С. 74, 587.

² Бахрушин С.В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 2. — С. 204.

³ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева. — 1950. — Т. 112. — С. 110.

⁴ Александров В.А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — С. 45.

⁵ Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII в. — Фрунзе, 1970. — С. 79.

⁶ Чертыков В.К. Хакасия в XVII - начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. — Абакан, 2007. — С. 103.

⁷ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV - первая половина XVIII в.). — СПб., 2008. — С. 626, 627.

Никитин Д.Н. Никитин Н.И. Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI - начала XVIII века. — М., 2016. — С. 81, 82.

Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. — Новосибирск, 1993. — С. 122, 123.

⁸ Русско-монгольские отношения 1636-1654. Сборник документов. — М., 1974. — С. 22, 23.

Соколовский И.Р. Челобитная сибирского служилого человека Астафия Михалевского (1636 год) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. — 2013. — Т. 12. — Вып. 1. — С. 114-119.

⁹ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. — Новосибирск, 1993. — С. 122.

¹⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. — М., 2000. — Т. 2. — С. 504.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Стб. 368. Л. 333-387, 393.

¹² Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. — М., 1897. — Ч. 2. — С. 121.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 46. Л. 232-262; Стб. 40. Л. 109-111; Стб. 339. Л. 13, 13 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 40. Л. 41-43.

¹⁵ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева. — 1950. — Т. 112. — С. 78, 79.

Миллер Г.Ф. История Сибири. — М., 2005. — Т. 1. — С. 317.

¹⁶ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М., 1960. — С. 114.

¹⁷ Чертыков В.К. Хакасия в XVII - начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. — Абакан, 2007. — С. 92-95.

¹⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. — М., 2000. — Т. 2. — С. 71, 346, 495, 496.

¹⁹ Описание действий киргизских отрядов см. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 368. Л. 333-337; Стб. 40. Л. 41, 338; Стб. 46. Л. 242.

Русско-монгольские отношения 1636-1654. Сборник документов. — М., 1974. — С. 22.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 368. Л. 338; Стб. 46. Л. 236.

²¹ Там же. Стб. 33. Л. 77, 78.

²² Там же. Стб. 368. Л. 339, 340.

²³ Там же. Стб. 40. Л. 41, 42.

²⁴ Там же. Стб. 368. Л. 344-387, 393; Стб. 46. Л. 238, 239.

²⁵ Там же. Стб. 115. Л. 289.

²⁶ Там же. Стб. 368. Л. 345-375.

²⁷ Русский биографический словарь: Притвиц – Рейс. — СПб., 1910. — Т. 15. — С. 69-71.

²⁸ Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. — СПб., 1902. — С. 152.

²⁹ Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII - начале XVIII в.: проблемы жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири. — Омск, 2005. — С. 284.

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 339. Л. 13, 14.

-
- ³¹ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева. — 1950. — Т. 112. — С. 110, 111.
- ³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 368. Л. 339.
- ³³ Там же. Стб. 40. Л. 43, 44.
- ³⁴ Там же. Стб. 40. Л. 43.
- ³⁵ Там же. Стб. 46. Л. 237.
- ³⁶ Там же. Стб. 368. Л. 351.
- ³⁷ Русско-монгольские отношения 1636-1654. Сборник документов. — М., 1974. — С. 22.
- ³⁸ Там же. — С. 22, 23.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 368. Л. 340, 342.
- ⁴⁰ Там же. Стб. 46. Л. 237; Стб. 339. Л. 16.
- ⁴¹ Там же. Стб. 368. Л. 342; Стб. 46. Л. 237.
- ⁴² Русско-монгольские отношения 1636-1654. Сборник документов. — М., 1974. — С. 23.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 368. Л. 344.
- ⁴⁴ Русско-монгольские отношения 1636-1654. Сборник документов. — М., 1974. — С. 23.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 46. Л. 240, 241.
- ⁴⁶ Там же. Стб. 368. Л. 344.
- ⁴⁷ Там же. Стб. 53. Л. 365.
- ⁴⁸ Русско-монгольские отношения 1607-1636. Сборник документов. — М., 1959. — С. 210. Прим. 91.
- ⁴⁹ Скрынникова Т.Д. Политическая организация Халхи XVI-XVII вв. // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2004. — Кн. 3. — С. 480.
- ⁵⁰ Русско-монгольские отношения 1654-1685. Сборник документов. — М., 1996. — С. 27.
- ⁵¹ Русско-монгольские отношения 1607-1636. Сборник документов. — М., 1959. — С. 210, 211, 230, 231, 247.
- Русско-монгольские отношения 1636-1654. Сборник документов. — М., 1974. — С. 79-87, 134.
- ⁵² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1462. Л. 182.
- ⁵³ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учебное пособие. — Новосибирск, 2010. — С. 235.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 368. Л. 344-387, 393; Стб. 46. Л. 238, 239.
- ⁵⁵ Чертыков В.К. Хакасия в XVII - начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. — Абакан, 2007. — С. 43, 44.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 46. Л. 252, 240.

⁵⁷ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева. — 1950. — Т. 112. — С. 174.

⁵⁸ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева. — 1950. — Т. 112. — С. 110.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 742-745.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 46. Л. 232.

⁶⁰ Там же. Стб. 46. Л. 241 – 260.

⁶¹ Там же. Стб. 368. Л. 368; Стб. 53. Л. 355.

⁶² Там же. Стб. 381. Ч. 2. Л. 550-551.

⁶³ Там же. Стб. 40. Л. 61, 62; 30. Л. 525; Стб. 368. Л. 408.

⁶⁴ Русско-монгольские отношения 1607-1636. Сборник документов. — М., 1959. — С. 213, 214, 279-281.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 464.

⁶⁶ Там же. Стб. 53. Л. 145, 146.

⁶⁷ Там же. Стб. 126. Л. 54.

⁶⁸ Дата добавления и принятия к публикации статьи отражается в электронной системе подачи материалов авторами журнала (обе даты выделены красной рамкой). Скриншоты отражают информацию из «личного кабинета» автора. Время обращения: 16.11.2020. URL:

http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=autor_articles_list

Барахович Павел Николаевич
ООО НПО

Мой кабинет Мои Статьи Добавить статью

ru en

Вестник Томского государственного университета.
Вестн. Том. гос. ун-та. История

ГЛАВНАЯ | **РЕДАКЦИЯ** | **АРХИВ** | **НОВОСТИ**
главная страница | редколлегия и редсовет | архив выпусков | новости и объявления

Список публикаций

Добавлена: 28-03-2018

Поход Андрея Просовецкого в Киргизскую землю 1634 г.
Авторы: Барахович П. Н.

Барахович Павел Николаевич
ООО НПО

Поход Андрея Просовецкого
Авторы: Барахович П. Н.

ПОДРОБНЕЕ

История смены статусов

28-03-2018
Не рассмотрена

18-04-2018
На рецензировании

05-09-2018
Принята к публикации

14-01-2019

⁶⁹ Добжанский В.Н. Киргизский поход 1634 года под руководством А.З. Просовецкого // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». — 2020. — Вып. 11. — С. 119-161.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 90. Л. 65.

⁷¹ Там же. Стб. 90. Л. 66.

⁷² Например, летом 1642 г., когда воевода Яков Тухачевский, находясь в Ачинском остроге, пытался путем переговоров склонить киргизов к шерти, Иван Кобыльский выступил против них в поход из Томска. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 753-757.

⁷³ Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII. Движение Лжедмитрия II. — М., 2008. — С. 521, 522.

⁷⁴ Полное собрание русских летописей 14. 1-я половина. — СПб., 1910. — С. 102.

⁷⁵ Дневник Маскевича 1594-162 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. — СПб. 1859. — Т. 1. — С. 65, 66.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 368. Л. 340.

⁷⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 2. — С. 177.

⁷⁸ Чертыков В.К. Хакасия в XVII - начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. — Абакан, 2007. — С. 19, 20, 25.

⁷⁹ РГАДА. Оп. 3. Стб. 368. Л. 346.

⁸⁰ Там же. Л. 347, 348.

⁸¹ Там же. Л. 348.

⁸² Там же. Л. 353.

⁸³ Там же. Л. 354, 356.

⁸⁴ Там же. Л. 359.

⁸⁵ Там же. Л. 360.

⁸⁶ Там же. Л. 361.

⁸⁷ Там же. Л. 363.

⁸⁸ Там же. Л. 364.

⁸⁹ Там же. Л. 365.

⁹⁰ Там же. Л. 375.

⁹¹ Там же. Л. 333, 335.